

**Родионова Ксения Игоревна**, научный сотрудник Научного музея АмГУ  
Кафедра религиоведения и истории  
Магистрант 1 года обучения  
Амурский государственный университет  
coxiperry@mail.ru

### ТРАНСФОРМАЦИЯ КИТАЙСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ МИФОВ В РАССКАЗЕ «ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОСПОЖИ ЦАЙ» ПИСАТЕЛЯ-ЭМИГРАНТА Б.М. ЮЛЬСКОГО<sup>1</sup>

УДК 299.51

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные китайские религиозные мифы и мотивы, представленные в интерпретации русского писателя-эмигранта Б.М. Юльского. Как человек, попавший в условия инорелигиозной среды, Борис Юльский трансформирует многие китайские верования и преподносит их в художественной форме для русского читателя.*

***Ключевые слова и фразы:** Восточная ветвь русского зарубежья, опиум, оборотень, инорелигиозная среда*

**Rodionova Ksenia**, research worker  
Science Museum of the Amur State University  
Postgraduate student  
Amur State University  
coxiperry@mail.ru

### CONVERSION OF CHINESE RELIGIOUS MOTIFS IN THE STORY «RETURN OF LADY TSAI» BY THE WRITER-EMIGRANT B.M. YULSKY

***Abstract.** The article reviews main Chinese religious myths and motifs, presented by the interpretation of Russian writer-emigrant B.M. Yulsky. As a person who gets into the foreign religious environment, Boris Yulsky grasped many Chinese believes and presented them for Russian readers in a fiction form.*

***Key words and phrases:** Eastern branch of Russian emigration, opium, shapeshifter, foreigner religious environment.*

Произведения, созданные русскими писателями-эмигрантами в Маньчжурии в 20 веке, представляют собой огромное количество малоизученного этнографического и религиоведческого материала. Авторы, оказавшиеся в чужой стране со своими обычаями и нравами, истолковывают верования китайцев, маньчжуров и других дальневосточных народов с точки зрения русского человека. В число таких писателей входит и Борис Михайлович Юльский – автор, внесший новые сюжеты в произведения харбинской эмиграции, посвященные «фронтирной мифологии». «Под «фронтирной мифологией» понимается система мифологических представлений носителей фронтирной ментальности»[2, с. 119].

В то время, как Юльский только начал приступать к литературному труду, уже вышли в свет многие произведения харбинских авторов, посвященные китайской культуре и мифологии: в 1924 г. выходят в свет этнографические рассказы П.В. Шкуркина «Хунхузы», в 1926-

<sup>1</sup> Исследование поддержано грантом Российского научного фонда, тема «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)», проект № 14-18-00308.

1928 г. – китайская быль «Игроки», «Очерки обитателей тайги» Н.А. Байкова. В 1929 г. появляются первые рассказы А. Хейдока [1, с. 163].

«В 1937 г. Б. Юльский публикует в «Рубеже» полумистический, полу - анекдотический (в жанровом понимании) рассказ «Возвращение г-жи Цай». Писатель впервые для себя обращается к китайской мифологии посмертного существования» [1, с. 163]. В сюжет рассказа вошли народные китайские верования об оборотничестве. Главный герой произведения – господин Цай, уже вот как 15 лет курит опиум. Он это делает для того, чтобы заглушить нестерпимую боль от утраты супруги. Выкуривая опиум, старик представляет день первой встречи с будущей женой. Так проходит день за днем, пока однажды, в его жилище не появляется «огромная рыжевато-серая крыса с острой хитрой мордочкой и блестящими бисеринками-глазами» [5, с. 378]. Крыса становится каждодневным спутником китайского господина. Она вместе с ним вдыхает дым от опия и слушает рассказы старика. Но в один из дней к китайцу приходят требовать его долг за дом и сад. У него нет таких денег, и он решает умереть, проглотив кусок сырого опия. И вот, когда господин Цай в последний раз произносит молитву перед домашним алтарем, он видит сидящую на полу крысу, которая держит во рту большой бриллиант. Так это существо спасает от смерти китайского старика. Три года после произошедшего чуда господин Цай счастливо живет в своем родном доме, в сопровождении крысы, в которой, как он считает, поселилась душа его умершей супруги. И когда Цай умирает, соседи после похорон находят на канне большую мертвую крысу.

В течение всего рассказа Юльский пытается осмыслить иные религиозные традиции, малознакомые русскому человеку. Первым мифом, описанным русским автором, является вера в посредника, сопровождающего душу покойника в иной мир. Автор описывает данный сюжет дважды: «Перед похоронами супруги старый господин Цай курил трубку за трубкой и думал о первых встречах и днях счастья под солнцем провинции Шаньдун. И еще господин Цай думал о том, что скоро белые бумажные кони, которых сожгут в день похорон, понесут душу госпожи Цзи-шень в золотое просторное небо. Белые кони умчатся с дымом в пляшущих языках огня, а визг пищалок и грохот литавров будут веселить звонкой музыкой освобожденную уходящую душу» [5, с. 377]. Также обряд похорон и дальнейшее путешествие души описывается в следующих строках: «Когда же были совершены похороны и белые кони умчали с огнем старого господина Цай в вечернее небо, соседи, пришедшие в его опустевший домик, нашли на канне громадную седую мертвую крысу» [5, с. 382]. Данный похоронный обряд встречается у многих дальневосточных народов, но наиболее распространен на территории Китая у китайцев и дауров, у которых после или во время похорон сжигают бумажные мишуру, мосты, лодочки [6, с. 16] или лошадей, для того, чтобы помочь душе человека переправиться в другой мир: «На 60-й день после смерти в дар душе усопшего сжигали бумажный мостик или лодочку, чтобы помочь ей переправиться через две реки на пути к следующему перерождению» [3, с. 571].

Второй яркой темой, фигурирующей в произведениях Юльского, является тема оборотничества. Обратни-демоны частые герои китайской мифологии, они имеют различный вид и обычно оборачиваются юношами или девушками и могут соблазнять молодых людей противоположного пола. Наиболее часто встречается в китайских мифах оборотень лиса. Это животное приобретает большую популярность в Северном Китае [4, с. 105]. В рассказе «Возвращение госпожи Цай» Б.М. Юльский говорит об оборотнях при первом появлении крысы в доме господина Цая: «Смотря на крысу, господин Цай думал, не оборотень ли она, явившийся, чтобы смутить спокойствие его души и заставить совершить злое дело. Он знал, что оборотни часто принимают облик лисицы, но могут ли они превращаться в крыс – об этом ему ничего известно не было» [5, с. 379]. И хотя в китайской мифологии оборотни чаще выступали недоброжелательной нечистой силой, то в рассказе русского эмигранта крыса становится добрым оборотнем, помогающим китайскому старику: «Господин Цай больше не опасался того, что крыса может быть оборотнем. Напротив, ему казалось теперь, что в умном взгляде зверька таится доброжелательство. Один раз старый господин Цай подумал даже – не вошла ли душа госпожи Цзи-шень в тело этой крысы, так настойчиво и выжидающе сидев-

шей перед ним?..»[5, с. 379]. И уже после принесенных крысой бриллиантов, господин Цай, стал уверен, что в крысе живет душа его супруги – госпожи Цай. При этом крыса в китайской традиции добрый дух, охраняющий китайские семьи: «Если в доме заводилась крупная крыса, с ней обращались, как с почетным гостем, и называли «Денежной крысой»»[3, с. 343]. У Юльского это народное верование выражено в одной из последних строк, рассказывающей о смерти господина Цая. После похорон китайского старика, соседи, найдя мертвую крысу, подумали, что это добрый дух дома, охранявший хозяина [5, с. 382]. Таким образом, Юльский объединяет в своем рассказе и мифологические представления об оборотничестве, и веру в доброго домашнего духа в виде крысы. Крыса в китайских поверьях приносит богатство, что в рассказе трансформируется русским эмигрантом в сюжет о принесенных крысой бриллиантах. Многие религиозные моменты в рассказе при этом соответствуют русским поверьям и врастают в китайскую мифологию автора. К примеру, в китайских народных верованиях человек наделен несколькими душами, чаще всего хунь и по, но в рассказе Юльского у героев только одна душа и отлетает, как в христианской традиции, на небеса.

Мифология и религиозные верования народов Дальнего Востока были исследованы многими писателями-эмигрантами, проживавшими в г. Харбине. Большинство писателей, в том числе писатели-натуралисты, проживавшие в Китае, писали про «таежную мифологию», в которую входили китайские и маньчжурские верования, связанные с тайгой, духами леса и его обитателями. Борис Михайлович Юльский, в свою очередь, вносит новые сюжеты в харбинскую литературу. По большей части, он истолковывает китайские народные верования и мифы, связанные с посмертным существованием. Русский автор художественно трансформирует китайскую мифологию и представляет ее русскому читателю. Так, миграционные процессы на Дальнем Востоке обусловили возникновение в среде русских эмигрантов тех исследователей, которые интерпретировали инокультурные религиозные верования и представляли их в художественной форме для читателей, оказавшихся в чужой стране.

#### Литература:

1. Забияко А.А. Мифология Дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов // Религиоведение. – 2011. – Вып. 2. – С. 154-169.
2. Забияко А.А. «Фронтирная мифология» в художественной рефлексии дальневосточных писателей (20-30 гг. XX в.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия: Сборник материалов международной научно-практической конференции. – 2011. – Вып. 9. – С. 119-140.
3. Малявин В.В. Китайская цивилизация. – М.: «Издательство Астрель». – 2000. – С. 632.
4. Титаренко М.Л., Кобзев А.И., Лукьянов А.Е. Духовная культура Китая. Энциклопедия. Том 2. Мифология. Религия. – М: Издательская фирма «Восточная литература РАН». – 2007. – С. 870.
5. Юльский Б.М. Возвращение госпожи Цай // Литература русского зарубежья: Восточная ветвь. Хрестоматия. Том 1. Проза. Часть 3 (Р-Я). – Благовещенск, Издательство АмГУ. – 2013. – С. 376-382.
6. Kevin Stuart, LI Xuewei & Shelear, China's Dagur Minority: Society, Shamanism, and Folklore. – Philadelphia: Department of East Asian Languages and Civilizations, University of Pennsylvania. – 1994. – P. 176.

